Он появился на концертных площадках Москвы в начале 50-х и очень быстро стал одним из самых «громких гастролеров». Два десятка лет имя Михаила Александровича не сходило с афиш разных городов страны. Божественно красивый, мягкий, лиричный голос звучал в эфире, с пластинок, выпущенных миллионными тиражами.

В 1971 году Александрович столь же неожиданно исчез. В советских газетах промелькнуло несколько сообщений о его появлении в Израиле, США, ФРГ. И вслед началось «изустное творчество» — де, мол, Михаил Александрович поменял артистическую концертную деятельность на служение Богу, стал кантором, поет только духовную, ритуальную музыку. Записи его постепенно исчезли из нашего быта, о нем стали забывать.

И вот встреча через 21 год.

Михаил АЛЕКСАНДРОВИЧ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ,

ИЛИ ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ К СТРАНЕ, КОТОРУЮ ПОКИНУЛ

— Михаил Давыдович, давайте для начала напомним читателям вашу биографию: ведь для молодого поколения вы — «новое имя».

— Родился я в глубокой провинции, в латвийском местечке Бертспилс в 1919 году. Мать с самых ранних лет исправно водила нас, пятерых своих детей, в синагогу. Первым заметил мои музыкальные способности отец, наблюдая, как, возвратясь домой с богослужения, я на свой лад напевал литургические песни. Пришло твердое решение во что бы то ни стало дать мне музыкальное образование. Родители собрали все свои сбережения, и семья переехала в Ригу. И началось: годы обучения в народной консерватории, содержавшейся на деньги еврейской общественности, где руководитель хора мальчиков синагоги выделил меня среди других воспитанников и стал заниматься со мной индивидуально. Он же организовал мой первый сольный концерт. Публика была в восторге: восьмилетний ребенок, стоя на стуле, в течение двух часов исполнял произведения Шумана, Шуберта, Моцарта, Глинки, Годара, Бетховена, еврейские народные песни. Это произвело огромное впечатление: тогда широко известны были имена юных скрипачей, пианистов, но певцом-«вундеркиндом» я был первым (о Робертино Лоретти мир узнал лишь спустя четверть века).

До начала второй мировой войны служил кантором в синагоге. Потом выступал на фронте перед солдатами. В 40-е годы синагоги начали закрывать, и я делал в Риге сольные программы. В начале 50-х меня пригласили на гастроли в Москву, ну а что было дальше — известно всем любителям вокального искусства.

— Широкая популярность, звания заслуженного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии СССР — вы были обласканы славой. Почему же решили эмигрировать?

— Да, мне грех обижаться на Советскую власть. Но между моими песнями здесь и остальным миром возник непреодолимый барьер. Этим барьером стала Государственная граница СССР. Многие артисты, даже менее талантливые, выезжали на гастроли за рубеж. Я же не был включен в список певцов, которым разрешалось выступать за границей. В Министерстве культуры — его возглавляли по очереди Александров, Пономаренко, Фурцева — говорили, что на меня «оттуда» нет заявок. Позже, когда уехал, убедился, что это была грубая ложь.

Думаю, что главной причиной для чиновников от искусства была моя национальность. На концертах иногда на бис исполнял еврейские народные песни. Правда, «без разрешения» исполнял и русские, и украинские, и грузинские песни — всего на двадцати языках народов мира. В те годы подобные вольности не поощрялись. Подбор репертуара не был личным делом исполнителя, он строго регламентировался различными инстанциями. Я больше не мог работать в таких условиях.

— Тогда вы, наверное, ненавидели страну, из которой уезжали?

— Никогда не испытывал ненависти к Советскому Союзу. Даже несмотря на то, что после отъезда в советских газетах было много клеветы обо мне. Считали врагом, предателем, сочиняли небылицы о том, что я нищенствую. Один корреспондент даже рассказал историю о встрече со мной в западноберлинской синагоге, где меня слушали всего-то полсотни человек. И сделал вывод, что я там никому не нужен. А я на самом деле ни тогда, ни еще много лет спустя не был в Западном Берлине.

Однако я не считаю себя политическим эмигрантом. Я имел в Советском Союзе все то же, что имею сейчас на Западе, но здесь я не мог петь все, что я хотел, а мой народ не мог свободно развивать свою культуру.

— Шереметьево — граница, за которой вы обрели свободу. А что дальше? Как сложилась ваша судьба? Вы нашли то, что искали?

— Да, я был счастлив в Израиле. Со мной уехала вся моя семья: мать, братья, жена с дочерью. Все нашли себе дело по душе. Братья живут там до сих пор: один работает коммерческим директором большого универмага, другой — хороший экономист. И я занимался там любимым делом.

— Почему же тогда вы переехали в США?

— Израиль — маленькая страна. Достаточно было дать 5—6 концертов, чтобы тебя послушали все желающие. Возможности творческого роста там ограниченны. Один-два раза в неделю я проводил литургические песнопения в синагоге. А мне хотелось выступать с концертами, вновь и вновь встречаться со зрителями. И я уехал в Америку. Главной проблемой было то, что меня не знали на Западе, и пришлось начинать все с самого начала. Тем советским артистам, которые получили мировую известность, регулярно выезжая на гастроли за рубеж, в эмиграции намного легче. Когда приехал в США, мне было уже за пятьдесят, а в этом возрасте там не начинают карьеру. Будь ты даже гением, ни один менеджер не возьмется за организацию твоей концертной деятельности. Публика моя была немногочисленной, в основном русские и евреи из России. В Америке я тоже служил кантором и ездил с концертами в Канаду, Израиль. Меня приглашали на ежегодный Моцартовский фестиваль в Нью-Йорк.

— Газета «Нью-Йорк таймс» назвала вас одним из лучших хранителей культурных секретов России. В чем, по-вашему, эти секреты и как вам удалось их сохранить вдали от Родины?

— Американская газета имела в виду совершенно другое, произошел курьез с переводом этой фразы на русский язык. «Нью-Йорк таймс» писала, что Александрович — один из спрятанных культурных секретов России, до эмиграции, разумеется. А если говорить о русской культуре, нет ни одного оркестра, который не исполнял бы произведений Рахманинова и Шостаковича. Я не говорю о Чайковском, которого во всем мире считают вершиной музыкальной культуры.

— А кто из русских или советских композиторов наиболее близок вам по духу?

— Мне очень близки композиторы доглинковского периода. Я много пел Чайковского и Рахманинова, но менее удачно. Еще люблю итальянских композиторов и народные песни. И потом, меня всегда захватывала опера: Пуччини, Леонкавалло, Верди, Беллини, Доницетти, Моцарт, Чайковский.

— Долгие годы вы не имели права приезжать на Родину. Часто вспоминали Советский Союз?

— Да, здесь прошли лучшие годы моей жизни. Здесь я сделал первые профессиональные шаги, ко мне пришел успех. Два года назад меня разыскали в Америке и предложили участвовать в фестивале «Экология, человек и красота» в СССР. Это была самая большая неожиданность в моей жизни за последние двадцать лет. Не мог поверить, что когда-нибудь мне предоставится возможность снова приехать на Родину. Сразу согласился, не оговаривая никаких условий.

— Как вы считаете, изменилась ли страна и люди за годы вашего отсутствия?

— Здесь стало больше демократии и свободы. Народы получили возможность развивать свою национальную культуру, возрождать традиции. Я, например, никогда не пел столько еврейских песен на советской сцене, сколько пою сегодня.

— Одной из причин своей эмиграции вы назвали антисемитизм. Испытываете ли вы что-либо подобное сегодня?

— Я лично не чувствую, но много читаю об этом. Думаю, что возрождение демократии возродило и движения антисемитские: они долго были припрятаны и сейчас выходят наружу. Наступление на другую нацию и другую культуру — это признак бедности духовной.

— Несколько лет вы провели в США, сейчас живете в Германии. Существуют ли там антисемитские настроения?

— В Америке есть проявления антисемитизма. А в Германии, как ни странно, сейчас я меньше всего это ощущаю. У меня такое чувство, что там подавляющее большинство всячески старается загладить свою вину перед еврейским народом и перед всеми народами мира. Эту потребность немцев встречаю на каждом шагу — покаяние и желание всячески искупить свою вину. Даже молодое поколение испытывает стыд за своих родителей.

— Как принимала вас публика во время гастрольной поездки по Советскому Союзу?

— Когда я ехал в Москву, думал, что на концерты придут только пожилые люди, те, кто еще помнит меня. Но в залах увидел юные лица. Некоторые потом приходили за кулисы. И благодарили. Меня это удивило, потому что новое поколение в основном воспитано на другой культуре, на их головы выливается поток современной поп-музыки.

— Художник — всегда яркая индивидуальность. В чем ваши сильнейшие стороны?

— Я думаю, что в основном в лиризме и в любви к человеку, глубокому пониманию и уважению. И желанию духовно воспитывать людей, делать их интеллигентнее. Это я всегда считал своей миссией. Поэтому и пел на самых разных площадках — в Большом зале консерватории и в Миланской Академии, для колхозников и для воинов.

— Вы поете на языках разных народов мира, а на каком языке вы читаете и какую литературу?

— Я читаю только по-русски. Мог бы читать и на других языках, но все-таки по-русски мне гораздо легче понимать. И сны вижу на русском языке. Вы знаете, сейчас очень много писателей, которые стараются рассчитаться с Советским Союзом за свои прошлые обиды, взять реванш. Я их не читаю. Считаю, что негоже, уехав из России, там рассчитываться. Надо, наоборот, стараться сгладить острые углы. Народ ведь не виноват, ему надо помочь, а не будоражить. Это мое убеждение.

— У вас ведь есть и собственные литературные опыты...

— Моя книга «Я помню» вышла недавно в Мюнхене. В прошлом году журнал «Советская музыка» печатал главы из этой книги.

— С кем из советских эмигрантов вы поддерживаете отношения за рубежом?

— Те музыканты, с кем я общался здесь, сейчас заполняют оркестры разных стран. Советские исполнители — самые желанные, они побеждают во всех конкурсах в лучшие оркестры. Мы мало видимся, потому что разбросаны по всему миру. Изредка встречаемся с Ростроповичем, остались очень большими друзьями. Общался с покойным Кондрашиным, он был моим дирижером в Москве.

— А сейчас в Москве?..

— Только с теми, кто приходил на концерты. По телефону разговаривали с Хренниковым, Юзефовичем, очень дружим с Пахмутовой. Но, к сожалению, здесь не было времени с ними общаться. У меня в программе было 12 концертов за 20 дней — в Москве, Евпатории, Волгограде, Челябинске, Кургане.

— Вы близко знакомы с Хренниковым. Когда вы жили и работали здесь, он уже руководил Союзом композиторов. Он не пытался помочь вам организовать зарубежные гастроли?

— Нет, мне никто не помогал, и кто только мог — мешал. Хренников был нейтрален, безучастен. Это было очень хорошо, я больше ничего не хотел тогда, а сегодня я ему благодарен за то, что он не помогал «душить» меня.

— Не жалеете, что уехали?

— Хотя я не сделал той карьеры, о которой мечтал, не пожалел, что я там. Только все время испытывал желание общаться с моими зрителями, и счастлив, что сегодня получил такую возможность.

— Каким вам видится будущее России, Советского Союза?

— Я — оптимист. Все будет хорошо, все будет в полном порядке. Переломы всегда были в истории. Он и сейчас происходит. И все закончится благополучно.

— Приедете еще в нашу страну?

— Я не гордый человек, пригласите — приеду.

Беседовал
Валерий ХАБИЛЕВСКИЙ.
Фото А. Третьякова.